



## ФУТУРконгресс

с Владимиром БОРИСОВЫМ

Люди зажаты между прошлым, за которое им стыдно, и будущим, которое их пугает.

# Последствия преодолеваются,

**О том, что может ждать нас – все человечество – в относительно ближайшее время, беседуем с Сергеем Переслегиным – публицистом, исследователем и теоретиком фантастики и альтернативной истории.**

**– Переход к новейшему этапу истории может вызвать множество факторов: развитие нанотехнологии, биотехнологии, генной инженерии, создание искусственного разума и т.п. Что может оказаться последней каплей, которая переломит историю? А может быть, все вместе?**

– Я предпочитаю говорить не об этапе истории, а о фазе развития. Насколько можно судить, каждому фазовому переходу соответствует свой собственный пакет «Новые технологии», и их всегда ровно четыре:

- ♦ один задает форму организации производства;
- ♦ второй – прямо или косвенно связан с обеспечением людей продовольствием;
- ♦ третий – это изготовление орудий труда, инжиниринг;
- ♦ четвертый – конструкционные материалы.

Эти пакеты вместе задают способ производства, характерной для новой фазы развития.

Так вот, для следующей фазы развития, насколько сейчас можно судить, IT-пакет играет роль обобщенного производства, нанотехнологии – конструкционных материалов, биотехнологии – получение продовольствия и природопользование (только не путать с экологией) – форма организации производства.

Вся проблема, однако, состоит не в технологическом развитии.

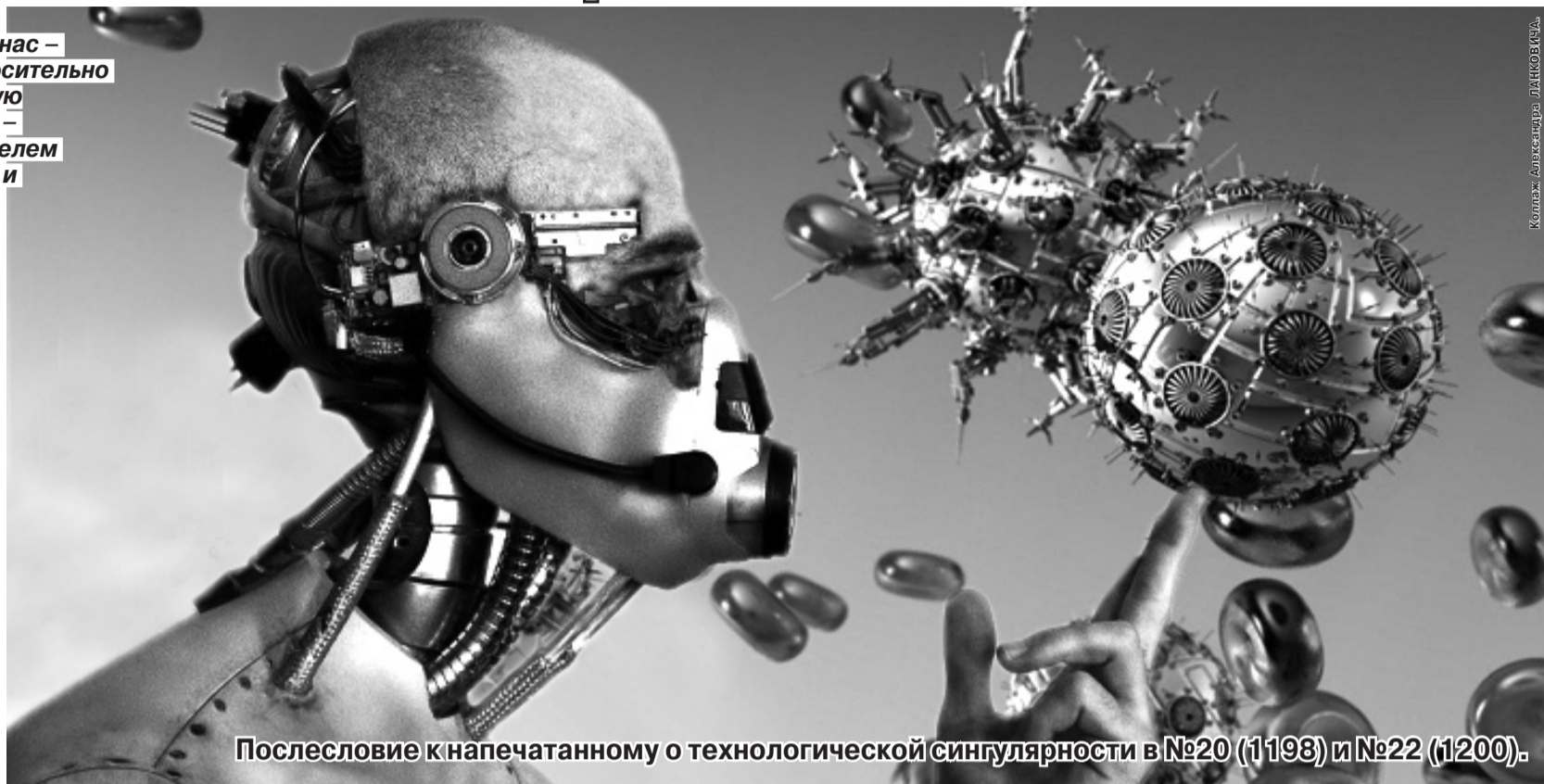
Фазы отделяются друг от друга потенциальными барьерами, и до сих пор все такие переходы сопровождались колоссальным общим кризисом цивилизации и «темными веками». Суть в том, что механизмы производства предыдущей фазы разваливаются раньше, чем новые технологии, которые будут положены в основу «следующего производства», обретут свойство системности. При этом нужно понимать, что эти самые новые технологии по отношению к предыдущей фазе являются «ядом»: они с ней несовместимы. То есть, их развитие сначала разрушает фазу до основания (что и приводит к темным векам), «...а уж затем».

Фаза, само собой разумеется, с ними борется: с IT – через авторское право, с биотехом – через запрещение клонирования и экспериментов с человеческим геномом, с природопользованием – через экологическое сознание.

Такая борьба, сама по себе, повышает фазовые издержки и способствует нарастанию фазового кризиса.

Иными словами, ответ на поставленный вопрос: дело не в технологиях – их уже практически достаточно для фазового перехода. Дело в «иммунной реакции» существующей фазы и в кризисе этой фазы, который проявляется как финансовый и политический, а в перспективе – проявится как военный и инфраструктурный.

**– Братья Стругацкие в своих книгах называли**



Послесловие к напечатанному о технологической сингулярности в №20 (1193) и №22 (1200).

# а кризисы не вечны

**такое гипотетическое «пришпоривание» истории вертикальным прогрессом. В романе «Волны гасят ветер» это проявилось в появлении «люденгов» – сверхлюдей, но большинство человечества осталось за бортом вертикального прогресса. Не получится ли так же и в реальности?**

**Так ли это? Может быть, что-то человеческое все-таки останется?**

– Могу лишь процитировать Бегемота: «Ну да, неизвестно, – послышался все тот же дрянной голос из кабинета, – подумаешь, бином Ньютона! Умрет он через девять месяцев, в феврале будущего года, от рака печени в клинике Пер-

«человеческого» в частности. Мы сейчас занимаемся новым форматом и даже сформулировали принцип трансграничности, как одну из нитей мышления, но формального ответа на вопрос, где кончается человек и начинается пост-человек, не-человек, демиург пока нет. Может быть, мы начнем что-то понимать в конце лета.

**– Пожалуй, самыми загадочными в ваших работах для меня остались строки: «о реальности Шреддингера, в которой понятия «жизнь» и «смерть» относительно, и о ком-то можно сказать, что он жив на 28%, мертв на 32% и на 40%, а вопрос относительно того, жив он или мертв, на самом деле, лишен смысла». Хотя бы назовите, с чем может быть связана такая «процентровка»?**

– Чисто для твоего понимания: современные трактовки квантовой механики связаны с представлением о континууме Вселенных. Представь

ко связанную, есть прекрасный рассказ Т.Коспатки «Предсказывая свет» (публиковался в «Если», кажется, в 2008 году).

**– Пока мы не добрались до точки сингулярности, хотел бы услышать несколько слов об одном из нынешних не совсем понятных для меня противоречий: с одной стороны, наше время характеризуется увеличением роли транснациональных корпораций, для которых нет границ, всеобщей глобализацией, а с другой, какофонией центробежных стремлений, судорожными попытками некоторых стран отгородиться от мира. Что это, «арьергардные бои феодализма» или естественная боязнь будущего, которое создается нами, но не для нас?**

– Обычный фазовый кризис, при них всегда так: глобализация, как экономическое проявление предела фазы развития, кризис глобализации, предчувствие всеобщего



**Суть в том, что механизмы производства предыдущей фазы разваливаются раньше, чем новые технологии, которые будут положены в основу «следующего производства», обретут свойство системности. При этом нужно понимать, что эти самые новые технологии по отношению к предыдущей фазе являются «ядом»: они с ней несовместимы.**

разрушения и попытки отгородиться так, чтобы это разрушение тебя не коснулось.

Это – не арьергардные бои феодализма. Дело в том, что глобализация – тоже феодальная идея (Вселенская Церковь, католицизм). Это и не боязнь Будущего. Это – кризис форм организованности и попытки противостоять этому кризису, не понимая его природу. Посмотри на историю позднего Рима. Ситуация с точностью до масштабного фактора тождественна.

Сильное упрощение, но, может быть, что-то проясняющее. И еще одно. На эту тему, вернее, на тему, с ней очень близ-

**– И напоследок. К сожалению, я практически не вижу в отечественной фантастике попыток всерьез говорить о ближайшем (или хотя бы обозримом) будущем. Как вы думаете, с чем это связано? Не хочется верить, что наши фантасты на это неспособны.**

– С кризисом фантастики, как одного из важнейших литературных направлений индустриальной фазы. С кризисом российского государственного и социального проекта, наиболее сильной формой которого был СССР. С кризисом коммунистической концепции И.Ефремова и ноосферной модели В.Вернадского, положенной в основу этой концепции.

Все это – нормальные последствия государственной, идеологической и культурной катастрофы 1990-х. Но последствия постепенно преодолеваются, и эти кризисы не вечны.

Замечу, что и на Западе лишь очень немногие люди – я их всех уже перечислил – занимаются реальным будущим (ближним или далеким), а не

продолженным настоящим. Пожалуй, добавлю еще М.Суэвника.

У нас некоторые имена тоже есть, но все они – из эпохи конца Союза.

А.Лазарчук в «Солдатах Вавилона» коснулся проблем мира реального будущего с высоким содержанием нестационарных информационных объектов (кодовых). А.Столяров обсуждал эти проблемы в своей тройке рассказов

«Телефон для глухих», «Изнавание беса», «Некто Бонапарт». У В.Рыбакова были здесь интересные и необычные проходы (прежде всего «Дерни за веревочку», «Вода и корабль»).

И как это ни странно, есть смысл присмотреться к русским фэнтезийщикам и околофэнтезийщикам. Они, иногда, очень любопытно прокручивают тему постаучного мышления и мышления вообще. Упомяну неопубликованную, к сожалению, книгу «Всадники Университета» и опубликованные романы С.Садова.